

Юрий Ладохин

КАЗНАЧЕИ РЕВОЛЮЦИИ СМЫСЛОВ: ОТ МЕЦЕНАТА ДО БРАТЬЕВ ТРЕТЬЯКОВЫХ

ИЗ ЦИКЛА «ИСТОРИИ БЕССМЕРТНОЕ ДВИЖЕНЬЕ»

Юрий Ладохин
Казначей революции
смыслов: от Мецената
до братьев Третьяковых.
Из цикла «Истории
бессмертного движение»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43682504
ISBN 9785005030252

Аннотация

Если лучшие умы человечества – ученые, предприниматели, люди искусства – каждый раз, совершая революцию смыслов, обеспечивают прорыв в развитии цивилизации, то кто заправляет топливные баки прогресса? Да, это они – герои этой книги – расчетливые и, одновременно, мечтательные меценаты и коллекционеры. Это они – казначей революции смыслов, не жалеющие ни сил, ни капиталов для триумфа красоты: красоты научной идеи, замысловатого механизма, живописного полотна, изысканного до воздушности здания

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	5
Глава 1. «Полету гордому науки // Дан бесконечный кругозор» (но кто заправляет топливные баки прогресса?)	10
1.1. «А поутру они проснулись...» (в новой технологической и смысловой реальности)	10
1.2. Рывок к вершинам эстетического Олимпа («Божественная комедия» Данте)	20
1.3. Королевская тонна золота для будущих космодромов	27
1.4. Как И. Ньютон спас фунт стерлингов	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Казначей революции
смыслов: от Мецената
до братьев Третьяковых
Из цикла «Истории
бессмертное движение»**

Юрий Ладохин

© Юрий Ладохин, 2019

ISBN 978-5-0050-3025-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается любимой жене Ольке

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Гипотезы, гипотезы, гипотезы...

А если, хоть на секунду, предположить, что всё невероятное, даже фантастическое, происходящее в жизни, сравнимо с *туннельным эффектом*, когда альфа частица, согласно теории физика-теоретика Георгия Гамова, после 10-ти в тридцать третьей степени попыток сможет преодолеть потенциальный барьер, мешающий ей покинуть ядро? И что, если мы хотим делать сказку своими руками (как капитан Грэй в «Алых парусах») надо, пожалуй, только этого сильно, сильно захотеть, и совершить множество (пусть сначала и неудачных) попыток. Но дело, похоже, не только и не столько в физике. Не надо, думается, упускать из виду и то, что «блистающий мир» не дается людям без мечты и воображения, а цель покоряется лишь тому, кто готов все силы положить на достижение ранее несбывшихся целей (*книга*

«Русское невероятное. Фантасмагории от Александра Грина до Саши Соколова», 2016 г.).

Весьма экзотической стала, пожалуй, и гипотеза о возможности гипотетического *турнира стилей лучших архитекторов Венеции и Петербурга*, который, если и произойдёт, то не где-нибудь, а на знаменитом Мосту вздохов в городе на Адриатике. Вот только стоит ли определять однозначного победителя в этом поединке «маэстро каменных дел» (тем более, что среди его участников такие гении, как А. Палладио или Б. Растрелли)? Ведь, триумфатором, думается, в любом случае окажется волшебная сила искусства, а вздохи на венецианском мосту будут ассоциироваться не с печалью потерявших свободу заключённых тюрьмы при Дворце дожей, а, скорее всего, с моментом «аварэ», что в японской эстетике эпохи Хэйан означает вздох восхищения при внезапно открывшейся красоте (книга «Венеция – Петербург: битва стилей на Мосту вздохов», 2017 г.).

А что если допустить также, что потомков атлантов – незаурядных обитателей легендарной Атлантиды, надо было искать не в Атлантическом океане, за Гераклитовыми столбами, а гораздо ближе, среди берёзок и осин, на просторах Восточно-европейской равнины? И имя этой новой «земли обетованной» (ушедшей, к сожалению, под воду после Октября 1917-го) – загородная русская усадьба. Именно здесь, на «территориях суверенной личности» формировались поколения людей долга и чести, создавалась поразительная

тельная по эффективности система воспитания интеллектуальной элиты. Как подтверждение этому – имена пассионариев-дворян, авторов феноменальных открытий и изобретений: биолога И. Мечникова, химика Д. Менделеева, электротехника П. Яблочкова, математика П. Чебышёва, инженера В. Шухова, геохимика В. Вернадского и других (*книга «Атлантида инноваций. Портреты гениев на фоне усадеб», 2018 г.*).

Но это краткое описание пригоршня гипотез в моих предыдущих книгах, а что же в этой, предлагаемой вашему вниманию – о меценатах и коллекционерах?

Вот только некоторые. Блаженный Августин в труде «О предопределении святых» утверждал, что Вседержитель посылает в мир особого рода людей для свершения великих подвигов. Подтверждают ли это смелое допущение исторические факты? – да, и, пожалуй, неоднократно. Все, конечно, знают о судьбе астронома Джордано Бруно, выдвинувшего дерзкое предположение о множестве обитаемых миров и сожженного за это инквизицией в 1600 году на костре в Риме на площади Цветов. Через полтора века, в 1753 году российский физик Георг Рихман погиб от удара шаровой молнии во время рискованного эксперимента по изучению атмосферного электричества. Еще через полтора столетия первопроходец планеризма, создатель 11-ти летательных аппаратов немецкий изобретатель Отто Лилиенталь в 1896 году разбился насмерть во время очередного испытательного по-

лета.

Но почему тогда под определение Августина не может подпадать Лоренцо Медичи, прозванный *Великолепным*? После заговора семейства Пацци и предательского покушения в 1478 году он взял на себя ответственность за проведение налоговой, градостроительной и других реформ во Флоренции, не допустил вмешательства Франции во внутренние дела республики и стал самым знаменитым в истории покровителем искусств, оказав поддержку таким гениям эпохи Ренессанса, как Боттичелли, Микеланджело и Леонардо. И отчего тогда к престижному списку самоотверженных личностей нельзя причислить премьер-майора Григория Походяшина, направившего вырученные деньги от продажи огромного состояния (медные рудники в Сибири, полученные в наследство от отца) на раздачу бесплатного хлеба голодающим во время неурожая 1787 года? Сам же филантроп, пожертвовав на благотворительность все свои капиталы, умер в 1820 году в нищете.

И еще одна гипотеза, касающаяся деятельности меценатов. Почему коллекционер культурных ценностей, поставивший перед собой цель передать эти раритеты обществу для эстетического развития граждан, не может называться творцом наравне с теми, кто эти ценности создаёт? Почему, например, основателя первой в России галереи национальной живописи Павла Третьякова нельзя причислить к таким же пассионариям в сфере искусства, как передвижники и дру-

гие известные отечественные живописцы? Именно он задумал и осуществил амбициозный проект по созданию портретной галереи самых знаменитых русских писателей, композиторов и ученых. Именно П. Третьяков неоднократно покупал для галереи полотна, запрещенные к показу цензурой. Именно он сформировал полнокровную национальную коллекцию всего поэтичного и правдивого в русской живописи.

Известный русский литератор XIX века как-то непридуманно допустил, что побудительным импульсом догадок и озарений может быть мерцание небесных светил: «И в бездне, как вихрь, закружились светила: // Певучей струной каждый луч их дрожит, // И жизнь, пробужденная этою дрожью, // Лишь только тому и не кажется ложью, // Кто слышит порой эту музыку божью, // Кто разумом светел, в ком сердце горит» (из стихотворения Якова Полонского «Гипотеза»).

Доверимся же светлому разуму и велению сердца, чтобы оценить *благо-деяния* тех, кто не экономит ни усилий, ни средств, чтобы озарить человеческую жизнь искрающим светом мечты и надежды.

Глава 1. «Полету гордому науки // Дан бесконечный кругозор» (но кто заправляет топливные баки прогресса?)

1.1. «А поутру они проснулись...» (в новой технологической и смысловой реальности)

В «Хазарском словаре» Милорада Павича описано фантастическое сообщество ловцов снов, путешествующих по чужим сновидениям, чтобы в миллионах ночных грёз найти частички тела ветхозаветного предка людей Адама. Конечной целью их деликатной охоты при свете бледной луны было вербальное воссоздание тела ангельского первочеловека, существо которого, как они были убеждены, растворено в сновидениях всего человечества и каковой именно по этой причине объединяет всех *Homo Sapiens* независимо от оттенков кожи, вероисповедания и счета в банке.

Трудно сказать, насколько велики были успехи облада-

телей волшебных сачков для бабочек-снов в 2004 году, но в один из дней четвертого года нового тысячелетия люди Земли проснулись (кто под электронную песенку домашнего бота, кто – под звонкие крики соседского петуха), пожалуй, еще не понимая, что живут уже в другой реальности. И дело здесь не в результативности диковинных поисков молекулярной всеземной туманности ветхозаветного праотца людского племени. Скорее, это связано с такими, например, явлениями, как ведущиеся еще со времен средневековья изысканиями, направленными на получение таинственного «философского камня»... Но эта находка, думается, поинтереснее будет.

Есть сомнения? Тогда как вам это? – особенно для фанклуба всепроникающих гаджетов и виртуальной яви: «Прозрачная голубая полоска на столе работает будильником. Она же показывает расписание на день, в машине разворачивается в экран навигатора, на работе превращается в ноутбук, а вечером на ней можно смотреть кино. Авторы ролика об универсальном гаджете будущего, ученые из южнокорейского университета Сонгюнган убеждены, что он будет создан в ближайшие 10 лет благодаря графену. Самому тонкому во Вселенной материалу с уникальными электронными свойствами» (из статьи Михаила Попова «Как „мусорные физики“ из России получили Нобелевскую премию», опубликованной в *Forbes Contributor*).

Пока не убеждает? В таком случае – специально для ак-

тивистов движения цвета лужаек перед Виндзорским замком и обладателей бесшумно-стремительных аккумуляторных фаэтонов: «Тем временем, инженеры из Испании разработали на основе графена аккумуляторную батарею нового поколения. Она получилась на 77% дешевле литиевых аналогов, в два раза легче по весу, а, благодаря уникальным электропроводным свойствам графена, может быть полностью заряжена всего за 8 минут, и этого заряда хватит на 1000 километров пробега электромобилю. Новые батареи уже протестировали две автомобильные компании Германии» (из статьи Андрея Повного «Графеновые аккумуляторы – технология, которая изменит мир», см. на сайте <http://electrik.info>, 14.02.2019 г.) (пишут: в Германии... странно, почему не у калифорнийского мечтателя Илона Маска? – он, наверно, приберегает графеновые технологии для колонизации Марса).

Для решающего дописка – месседж холодостойким энтузиастам зимних велопарадов в столице: «Британская *Dassì Bikes* представила первый в мире велосипед, сделанный из материала с использованием графена. Вес рамы составляет 750 грамм, и инженеры утверждают, что его можно снизить до 400 грамм. Графен позволит совершать революционные шаги в разработке велосипедных рам, он в три сотни раз прочнее стали, имеет электропроводящие свойства и очень легкий (из статьи «Первый в мире велосипед из графена», см. на сайте <https://www.rusgraphene.ru>, 23.10.2017 г.).

И это только небольшая часть публикаций, посвященных уникальному по свойствам материалу графен, созданного в 2004 году русскими физиками из университета Манчестера Андреем Геймом и Константином Новоселовым, за открытие которого они получили Нобелевскую премию за 2010 год... Царапает глаз сочетание названия британского города и русских фамилий? Утечка мозгов? – пожалуй, что так: «В 1982 году Гейм с отличием окончил физтех. Работая в Институте физики твердого тела в Черноголовке, в котором он защитил кандидатскую диссертацию, Гейм охарактеризовал альма-матер уничижительным словечком „зомби“ (ни живой, ни мертвый). Пока наука в СССР стремительно превращалась в бедную падчерицу, Гейм, не видя для себя перспектив на родине, в 1990 году получил стипендию Лондонского королевского общества и уехал из Советского Союза. А в 1999 году на Западе оказался и Константин Новоселов, будущий самый молодой нобелевский лауреат по физике за всю историю присуждения этих премий. Он приехал в Институт Неймегена (Голландия), где к тому времени Андрей Гейм был профессором» (из статьи Игоря Гарина «Кого потеряла страна: Андрей Гейм и Константин Новоселов»).

Характерно, что научным свершениям Андрея Гейма способствовали не только фунты стерлинги от старейшего научного сообщества в мире (основано в 1660 году), но и отменное чувство юмора. Впрочем, отсутствием остроумия физи-

ки не страдали никогда.

Вот, например три искрометных пассажа из книги «Физики шутят», вышедшей в 1966 году:

– «Математика Давида Гильберта спросили об одном из его бывших учеников. – Ах, этот-то? – вспомнил Гильберт. – Он стал поэтом. Для математики у него было слишком мало воображения»;

– «Одна знакомая просила Альберта Эйнштейна позвонить ей по телефону, но предупредила, что номер очень трудно запомнить: 24361. – И чего тут трудного? – удивился Эйнштейн. – Две дюжины и 19 в квадрате»;

– «Однажды во время своего обучения в Геттингене Нильс Бор плохо подготовился к коллоквиуму, и его выступление оказалось слабым. Бор, однако, не пал духом и в заключении с улыбкой сказал: – Я выслушал здесь столько плохих выступлений, что прошу рассматривать мое нынешнее как месть».

Уроженец города Сочи тоже не прочь был иногда разрядить засушенную серьезными размышлениями академическую среду эксцентричными выходками жизнелюбивого человека с юга: «Те, кто хоть немного был знаком с Андреем, безоговорочно признавали его самым экстравагантным гением за всю современную историю. Достаточно сказать, что Гейм умудрился стать первым ученым, который получил и Нобелевскую, и Шнобелевскую премии. Последняя, напомним, является пародией на Нобелевскую премию и при-

суждается за самые дурацкие исследования в области науки. В 2000 году Андрей потряс ученое сообщество своим экспериментом с левитирующей лягушкой. Чтобы заставить лягушку летать, Гейм использовал систему магнитов» (из статьи Ярослава Коробатова «Андрей Гейм и Константин Новоселов: „новые русские“ нобелевские лауреаты»).

Просто озорное ребячество уверенного в своих силах профессионала? – не спешите с выводами: «Опыты, которые Андрей проводил с известным математиком-теоретиком сэром Майклом Берри из Бристольского университета, были положены в основу научного труда „О летающих лягушках и левитронах“, его напечатал в 1997 году журнал *European Journal of Physics*. Научный мир был ошарашен. Тем более, что в качестве соавтора одной из статей на эту тему Гейм указал... своего хомяка Тишу и утверждал, что он внес прямой непосредственный вклад в работу. „Да он просто дискредитирует науку!“ – восклицали ученые-сухари. Но спустя несколько лет выяснилось, что работы Гейма по диамагнетической левитации натолкнули ученых на абсолютно новую область исследований: наземные эксперименты с низкой гравитацией» (Там же).

Но это наша реальность – эпоха всеобщей цифровизации и нанотехнологий. Случались ли подобные сказочные пробуждения представителей рода людского в седые времена? – да сколько хотите. Чтобы не возвращаться к совсем уж далеким временам строительства пирамиды Хеопса (Египет,

4500 лет назад) перенесемся туда же, в дельту Нила, только на два тысячелетия вперед по оси Времени. Именно тогда, в 307 году до н.э. ни пробудивший ото сна греческий сборщик олив, ни одевающий доспехи римский легионер, похоже, еще не знали, что одно начинание бывшего личного телохранителя Александра Македонского кардинальным образом затронет пусть не их жизнь, но уж точно жизнь их детей и внуков.

В Александрии, на обломках огромной империи величайшего полководца античности, Птолемей I Сотер («Спаситель», 367 – 283 гг. до н.э.) создал прямо противоположное практике перманентных войн учреждение, где разрабатывались не планы захватов чужих территорий, а рождалось что-то неосязаемое и миролюбивое: идеи, теории, гипотезы, одним словом – генерировались смыслы. «Силиконовая долина» эллинов – научный центр Мусейон, блистала именами, не уступающими, думается, нынешним Биллу Гейтсу и Стиву Джобсу. Евклид создал основы своей знаменитой геометрии, Архимед придумал червячную передачу и винтовой водоподъемник, Аристарх Самосский первым предположил, что Земля вращается вокруг Солнца, Эратосфен с поразительной точностью вычислил окружность Земли, анатом Герофил пришел к выводу, что умственная деятельность человека происходит в мозгу, а не в сердце (как считалось раньше).

Для древних мудрецов правитель эллинистического Египта создал условия, сравнимые (ну, с учетом, конечно, разницы в уровне экспериментальной базы), и это не будет, думается, большим преувеличением, с возможностями лучшего в начале XXI века Массачусетского технологического института. В ансамбль Мусейона входили университет с учебными залами и жилыми помещениями, обсерватория, ботанический сад, зоопарк, и, наконец, знаменитая Александрийская библиотека, фонд которой составлял более 700 тысяч текстов на разных языках.

Для формирования этого бесценного кладезя знаний сын Сотера – Птолемей II выкупил библиотеку Аристотеля и неустанно посылал во все концы света своих людей, которые добывали самые ценные сочинения. При его дворе жили и творили лучшие представители изысканной александрийской поэзии: сочинитель гимнов Каллимах, дидактический поэт Арат, трагик Ликофрен. Здесь сочинял свои ажурные

опусы и родоначальник буколической (пастушеской) поэзии Феокрит. Вот одна из его *идиллий* (от греч. «эйдиллион» – картинка):

С белою кожей Дафнис, который на славной свирели
Песни пастушьи играл, Пану приносит дары:
Ствол тростника просверленный, копье заостренное,
посох,
Шкуру оленю, суму – яблоки в ней он носил...

От умиротворяющих пейзажей – к неотретушированной действительности. Для благой цели покровительства наукам и искусствам следующий правитель из рода Птолемеев – Птолемей III Эвергет («Благодетель») не чуждался и применения административного ресурса. Если Петр I при возведении Санкт-Петербурга запретил каменное строительство в других городах России, любомудрый и строгий правитель Египта издал закон, по которому всякий владелец судна, прибывающего в гавань Александрии, должен был отдать или продать имеющиеся у него книги. Манускрипты передавали в городскую библиотеку, владельцам же возвращали копии с пометкой об их соответствии оригиналу.

Но Птолемей III прославился не только этим. При нём «продолжалась работа, начатая его отцом, по переводу книг Ветхого Завета на греческий язык 72 толковниками. Птолемею III принадлежит первая известная науке публикация указов в виде билингвальных (двуязычных – на языке ори-

гинала и на языке перевода) надписей на массивных каменных блоках. Монарх добавил високосный день к египетскому 365-дневному календарю, основал храм Серапеум в Александрии и т.д.» [см. Ломов 2016, с. 5 – 6].

1.2. Рывок к вершинам эстетического Олимпа («Божественная комедия» Данте)

Ну, готовьтесь, теперь – головокружительный прыжок на шестнадцать столетий вперед: из античности – во время позднего Средневековья. Можно, конечно, как Феокрит из Александрии в III веке до Рождества Христова, изящными мазками расписывать локальную благостную картинку с пастушком Дафнисом на лужайке. Ну, а если так, пытаюсь окинуть взором Землю целиком, с горних высот:

«Так близок ты к последней из отрад,
Сказала Беатриче мне, – что строгий
Быть должен у тебя и чистый взгляд.
Пока ты не вступил в ее чертоги,
Вниз посмотри, – какой обширный мир
Я под твои уже повергла ноги,
Чтоб уготовить в сердце светлый пир
Победным толпам, что сюда несутся
С веселием сквозь круговой эфир».
Тогда я дал моим глазам вернуться
Сквозь семь небес – и видел этот шар
Столь жалким, что не мог не усмехнуться...

*(из поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия»... «Рай»,
песнь двадцать вторая).*

Или так, аллегорическим слогом называя три главных порока, которые преграждают человеку путь к Спасению:

Предательство:

И вот, внизу крутого косогора,
Проворная и выющая рысь,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.
Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись

*(из поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия»... «Ад»,
песнь первая).*

Насилие:

Доверясь часу и поре счастливой,
Уже не так сжималась в сердце кровь
При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но, ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с поднятой гривой.
Он наступал как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепеня

(Там же).

Алчность:

И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.
Меня сковал такой тяжелый гнет,
Перед ее стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот

(Там же).

И, проведя читателя через девять кругов ада, попытаться
(а вдруг зацепит не только страждущих!), словами Беатриче
указать «дорожную карту» к долгожданному искуплению:

«Из наибольшей области телесной, —
Как бодрый вождь, она сказала вновь, —
Мы вознеслись в чистейший свет небесный,
Умопостижный свет, где все – любовь,
Любовь к добру, дарящая отраду,
Отраду слаще всех, пьянящих кровь.
Здесь райских войск увидишь ты громаду,
И ту, и эту рать; из них одна
Такой, как в день суда, предстанет взгляду»

*(из поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия»... «Рай»,
песнь тридцатая)...*

И кто теперь попробует усомниться в том, что «Божественная комедия» рывком переместило мировое поэтиче-

ское пространство ближе к вершинам эстетического Олимпа и стала одним из тех достижений человеческого духа, что исподволь, но беспрестанно меняет плотное сукно повседневности? И то: ни Карл I Савойский, рассматривая на досуге великолепные миниатюры из «Часослова герцога Беррийского», ни плутоватый меняла из Амстердама, заполняя по вечерам пухлые учетные книги, наверняка не могли отмахнуться от той мысли, что исход их будущей встречи с апостолом Петром у заветных врат уже, возможно, описан великим Данте.

Не забудем здесь и о силе эмоционального воздействия. Впервые в мировой литературе автор подробно, с множеством несомненно важных для читателей-христиан деталей, описывает свои странствия по загробному миру. Состоящая из трех основных частей («Ад», «Чистилище», «Рай»), в каждой из которых содержится по 33 песни, «Божественная комедия», пожалуй, по праву является настоящей средневековой энциклопедией научных, политических и богословских знаний. Причем, по мнению многочисленных читателей поэмы, в стержне основного сюжета – хождении поэта по дебрям потустороннего мира, не было ничего экстраординарного. Ведь известно, что еще апостол Павел говорил о том, встречался с человеком, который «назад тому четырнадцать лет... был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12.2; 12.4).

Думается, выстраданная Данте сердцевина поэмы – это предупреждение грешникам. Описания девяти кругов Ада страшны, натуралистичны, кошмарны. В последнем, 9-м, самом ужасном кругу Ада, где за дело принимается сам Люцифер, – обитель изменников и предателей. Здесь и Иуда Искариот, и Брут, и Кассий. Но, похоже, самое ошеломительное для внимательного читателя открытие – среди сонма обреченных на мучения умерших нечестивцев вдруг по воле Данте оказываются вполне себе здравствующие на момент написания поэмы персонажи.

Так, в 18-й песне автор встречает в восьмом круга Ада давнего знакомого:

Бичуемый, скрывая облик свой,
Склонил чело, но труд пропал впустую,
Я молвил: «Ты, с поникшей головой,
Когда наружность носишь не чужую, —
Венедико Каччанемико. Чем
Ты заслужил приправу столь крутую?»

Несомненно, нетривиальный выпад Данте против этого персонажа (живого!) имел, в основном, политическую подоплеку: ведь именно из-за Каччанемико – лидера болонских гвельфов, поэт вынужден был отправиться из Флоренции в длительное изгнание. Но знал автор поэмы за Венедико и другой, отвратительный грешок – сводничество: тот, ничуть не смущаясь, продал свою сестру Гизолабеллу маркизу

Феррарскому Обиццо П.

В девятый круг Ада поэт помещает еще одного «живого мертвеца» – генуэзца Бранка д'Орья, понесшего расплату за предательство по отношению к гостю: «Он также оказался в аду задолго до своей исторической смерти в 1325 году (через несколько лет после смерти самого Алигьери). Души таких предателей низвергаются в ад сразу после совершения злодеяния, а в тело вселяется демон. Поэтому живым кажется, что „Бранка д'Орья жив, здоров, он ест, и пьет, и носит платья“» (из статьи Анастасии Белоусовой «7 секретов „Ада“ Данте»).

Душа устала от ужасов? Тогда от коварных лицемеров и клятвоотступников – к людям добродетельным. Вернее, к одному из них, без которого, пожалуй, литературный феномен «Божественной комедии» вряд ли бы состоялся. Можете себе представить положение поэта-изгнанника, ранее дважды избиравшегося одним из семи флорентийских приоров, вынужденного по решению черных гвельфов покинуть родной город навсегда? Десять лет Данте провел в скитаниях по городам и весям Италии.

А теперь о добродетели: «И лишь в последние 8 лет жизни изгоя посчастливилось обрести кров и возможность творить. Получив приглашение от синьора Вероны Кангранде дела Скала, самого известного представителя рода Скалигеров, противника гвельфов и флорентийцев, Данте в 1313 г. оказался при дворе герцога, среди выдающихся художни-

ков, поэтов, астрологов, философов, богословов, музыкантов, певцов того времени... Скалигер, более всего почитавший силу и рыцарскую доблесть, широко и щедро покровительствовал всем, кто подносил ему и его доблестным войнам свой дар и искусство» [см. Ломов 2016, с. 33].

Нашедший, наконец, пристанище поэт задумал литературное полотно, о грандиозности которого говорят хотя такие цифры: только в главе «Ад» насчитывается более 130 персонажей, среди которых на вечные мучения обречены такие известные исторические личности, как Клеопатра и Мессалина (за сладострастие); король Германии Фридрих II, папа Афанасий II, философ Эпикур (за еретичество); сицилийский тиран Дионисий, правитель гуннов Аттила (за насилие), а также мифологические герои Улисс и Диомед (как лукавые советчики).

Для реализации задуманного нужны библиотека, архивы, манускрипты... И тут помог правитель Вероны: «Данте, получивший жалованье от своего синьора, среди прочих пользовался особой благосклонностью герцога. Покровитель иногда любил подшутить над чересчур серьезным стихотворцем, но сам поэт называл дружбу с сеньором „драгоценнейшим сокровищем“. Это был действительно бесценный подарок судьбы, позволивший Данте в течение шести лет создавать в залах библиотеки герцога свою „Комедию“, иногда показывая покровителю черновики песен» [Там же, с. 34].

1.3. Королевская тонна золота для будущих космодромов

У русского поэта-демократа XIX века Лиодора Пальмина есть такие строки:

Нам служат почтою покорной
Перуны молнии самой,
Машины силой чудотворной
Перевернут хоть шар земной.
Полету гордому науки
Дан бесконечный кругозор...

(из стихотворения «Суета сует», 1882 г.).

Наверняка, такой восторженный взгляд постоянного автора популярных журналов «Русская мысль», «Стрекоза» и «Всемирная иллюстрация» на ускоряющиеся темпы технического прогресса был вызван чуть ли не ежегодными, начиная с середины XIX века, «залпами» научных открытий и изобретений. Взять, хотя бы выборочно, некоторые из них:

1850-е годы: теория валентности химических элементов (1852, Э. Франкленд), высокопроизводительный способ производства стали из чугуна (1856, Г. Бессемер), учение об эволюции и теория естественного отбора (1859, Ч. Дарвин), свинцово-кислотный аккумулятор (1859, Г. План-

те), двухтактный газовый двигатель внутреннего сгорания (1859, Ж. Ленуар);

1860-е годы: теория строения органических веществ (1861, А. Бутлеров), механическая подводная лодка (1862, Н. Монтуриоль), пастеризация пищевых продуктов (1862, Л. Пастер, К. Бернар), железобетон (1867, Ж. Монье), периодическая система химических элементов (1869, Д. Менделеев);

1870-е годы: телефон (1876, А. Белл), дуговая лампа (1876, П. Яблочков), асинхронный электродвигатель (1877, Н. Тесла), электронно-лучевая трубка (1878, У. Крукс), экспериментальное получение плазмы (1879, У. Крукс).

Именно поэтому, похоже, покоренный фейерверком инноваций, изменяющих окружающую человека действительность, Л. Пальмин и пишет: *«полету гордому науки...»*. Понятно, что за штурвалом этого стремительного, даже сверхзвукового воздушного лайнера прогресса сидят ученые и изобретатели, силой своего воображения и веры в мечту генерирующие невероятные идеи и создающие кажущиеся до этого фантастикой машины и механизмы.

Однако, задумаемся: кто те скромные персонажи истории, не всегда попадающие на ее главные страницы, кто, оставаясь на аэродромах повседневности, неустанно, изо дня в день, *заправляет топливные баки прогресса?* Кто они, неумно финансирующие что-то мерцающее, неочевидное – безумные гипотезы и теоремы, эскизы невообразимых архитектурных сооружений и межпланетных кораблей? Кто они,

не жалеющие драхм, динаров, реалов, крон, фунтов стерлингов, долларов, рублей для триумфа красоты: красоты научной идеи, диковинного механизма, живописного полотна, изысканного до воздушности здания, проникающей в душу без посредников органной фуги? Кто они, расчетливые и мечтательные, строгие и добросердечные *казначей революции смыслов?*...

Но это довольно обобщенная характеристика меценатов наук и искусств. А как вам эта «объективка» на будущего покровителя терпеливых и целеустремленных естествоиспытателей? – «Воспитан Фредерик был, по настоянию государственного совета, в Дании. Науками его не особенно обременяли; он вел, в кругу воспитывавшихся вместе с ним сверстников, довольно весёлую и свободную жизнь». Было время, когда молодой повеса ухаживал даже за английской королевой Елизаветой I, став рыцарем ордена Подвязки.

Однако прославился король Дании и Норвегии Фредерик II (1534 – 1588) отнюдь не альковными похождениями. Правитель двух ключевых стран на востоке Северного моря решительными действиями очистил от пиратов прибрежные воды. Значительно пополнила казну государства введенная королем пошлина за проход судов через пролив Зунд в Балтийском море. На многие поступки венценосного властителя влияла, похоже, и природная широта натуры: «Фредерик II был человеком эпохи Возрождения. Он благоволил наукам, покровительствовал искусствам и был охоч до бурных воз-

лияний под грохот канонады. На радость молодой жене Софии он соорудил в Кронборге самый большой (около 750 кв. м) в Северной Европе бальный зал, где проходили банкеты и давались театральные представления» (из статьи Стеллы Моротской «Призрак Гамлета»).

Никоим образом не претендуя на роль театрального сценографа, король, тем не менее, создал самую, пожалуй, знаменитую декорацию в мире – упомянутую выше мрачно-то-изысканную крепость Кронборг в Хельсингёре, подробно описанную Уильямом Шекспиром в трагедии «Гамлет». Причем, есть множество мнений, откуда гениальный драматург из далекого Лондона узнал о существовании будущего прибежища принца Датского. Думается, наиболее правдоподобная выглядит так. Для устройства театральных постано-

вок в Кронборге «актеры „выписывались“ даже из Англии. В Эльсиноре Шекспир вряд ли бывал. Зато известно, что перед Фредериком II и его двором выступали артисты, которые позднее вошли в труппу шекспировского театра „Глобус“. Они-то, по-видимому, и рассказали драматургу о величественном замке в Эльсиноре, где висят богатые шпалеры (привет Полонию), где любят театр и где каждый раз, когда король поднимает тост, бьют литавры и дается залп из пушек» (*Там же*).

И всё же в памяти потомков Фредерик II, похоже, останется (кто бы мог предположить!) первым бизнес-ангелом главных космопортов Земли – Байконура (бывш. СССР), на мысе Канаверал (США), Куру (Европейское космическое агентство), Цзюцюань (Китай).

А дело было так: «Вечером, 11 ноября 1572 г., вскоре после захода солнца, молодой датский дворянин по имени Тихо Браге разглядывал ночное небо. Прямо над головой он увидел звезду, которая светила ярче всех остальных звезд и которой на этом месте не должно было быть. Опасаясь, что это обман зрения, он показывал звезду другим людям – они тоже ее видели... Браге разбирался в астрономии, а главный принцип аристотелевской философии гласил, что небеса неизменны. Поэтому, если данный объект новый, он должен находиться не на небе, а в верхних слоях атмосферы – то есть это никак не могла быть звезда. Если же это звезда, то свершилось чудо, появился некий загадочный божественный

знак, смысл которого необходимо расшифровать... Вскоре звезда стала ярче Венеры, и какое-то время ее можно было видеть даже днем. Затем она стала тускнеть и через полгода погасла совсем» [Вуттон 2018, с. 19].

Далее события развивались стремительно: «После себя звезда оставила массу книг, в которых Браге и его коллеги спорили о ее местоположении и значении. Другим результатом появления сверхновой стала программа исследований: заявления Браге привлекли внимание короля Дании, который предоставил астроному остров Вен и (как впоследствии выразился Браге) тонну золота на строительство обсерватории для астрономических наблюдений. Наблюдения за новой звездой привели Браге к выводу, что для понимания устройства Вселенной необходимы более тщательные измерения. Он изобрел новые, необыкновенно точные инструменты. Когда обнаружилось, что обсерватория слегка вибрирует от ветра, что влияет на точность измерений, Браге перенес все свои астрономические приборы в подземные помещения. На протяжении следующих пятнадцати лет (1576 – 1591) исследования Браге на острове Вен превратили астрономию в первую современную науку [Там же, с. 19 – 20] ... Науку о звездах и планетах, без которой (можно уже добавить от себя), пожалуй, ни один космический полет просто не мог бы состояться.

1.4. Как И. Ньютон спас фунт стерлингов

Удивительно, как затейливо могут складываться взаимоотношения между великими творцами и их покровителями. Вот в 1576 году, на закате эпохи Возрождения, тонна золота датского короля помогла создать уникальную по оснащению обсерваторию Т. Браге и фактически запустила мировую научную революцию. А через 120 лет, в самом начале века Просвещения, другой гений – Исаак Ньютон своеобразным образом возвратил «научный долг», только уже своему королевству – английскому.

В общественном сознании большой ученый обычно представляется человеком рассеянным, витающим в облаках, то есть сугубо непрактичным (взять, хотя бы, доктора Гаспара из «Трех толстяков» Ю. Олеши). Создатель феноменального по степени научного прозрения и стержневого для развития мирового естествознания закона всемирного тяготения, И. Ньютон (1642 – 1727) сломал эти стереотипы напрочь. Правда, до этого ему пришлось преодолеть немало препятствий: «Долгое время Ньютон, кажется, был полностью обойден заслуженным вниманием со стороны как монархов, так и их правительств. Будучи студентом, Ньютон едва едва-едва перебивался с хлеба на воду, и его матери приходилось присылать ему деньги на еду. Не будем забывать, что в Трини-

ти-колледже он учился на правах «стипендиата» (англ. *sizar*), то есть колледж оплачивал его обучение как крайне талантливого и подающего большие надежды молодого человека, который взамен должен был не только получать отличные оценки, но и выполнять подчас самую низменную работу: мыть полы, чистить посуду, подстригать газоны и прислуживать богатым студентам (*из статьи Константина Шарова «Исаак Ньютон как финансовый чиновник»*).

Даже после окончания колледжа и получения должности профессора математики в Кембридже его доходы составляли скромные 100 фунтов стерлингов в год. Причем, в придачу с повышенными требованиями со стороны власть держащих в соблюдении должного уровня политической лояльности: «Единственная „милость“, полученная Ньютоном со стороны Чарльза II, – это разрешение быть профессором Кембриджа без обязательств принимать священный сан. Джеймс II одно время одно время даже хотел подвергнуть Ньютона публичному позору, своего рода гражданской казни, и выгнать его из Кембриджского университета вместе с рядом других профессоров Кембриджа за их противление монаршему распоряжению принять в свои ряды монаха-католика» (*Там же*).

Но может быть помогло Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе? – и тут неувязка. От респектабельной *Royal Society* «Ньютон не получил ни пенни, даже его главный труд „Математические начала натуральной

философии“ был издан не на средства Общества, которое вместо книги Ньютона проспонсировала издание нового атласа рыб, а на личные средства астронома Эдмонда Галлея, который получил от отца значительное наследство и фабрику по производству мыла» (*Там же*).

Так чем же великий физик И. Ньютон отплатил родному королевству за годы унижений и обид? Ответ, похоже, вас сильно озадачит: выступил в диковинной для себя роли (*в стиле героев Вселенной Marvel*) – главного спасителя национальной валюты. Заслуга в создании предпосылок для невероятной синергии классической механики и новых подходов к монетарной политике принадлежит бывшему однокашнику Ньютона по Тринити-колледжу Чарльзу Монтегю, который в 1696 году стал президентом Королевского общества и канцлером Казначейства (то есть министром финансов Англии). Зная невероятную работоспособность знаменитого ученого и его поразительную способность взглянуть на традиционные явления с неожиданной стороны, главный казначей страны предложил королю назначить Ньютона хранителем Монетного двора.

Кто-то, видимо, не сможет сдержать снисходительную улыбку: ну, какой из физика-теоретика надзиратель за денежными знаками? Тут, пожалуй, пригодился бы профессионал уровня шотландца Адама Смита (1723 – 1790), основоположника экономической теории как науки. Однако А. Смит разрабатывал основы политической экономии, когда

уже И. Ньютона не было в живых; так что английский король остановил свой выбор на естествоиспытателе, похоже, лелея надежду на его острый ум и богатое воображение.

Примечательно, но так же, думается, считали и другие правители, привлекая на высокие государственные должности известных ученых и мыслителей. Великий Конфуций (ок. 551 до н.э. – 479 до н.э.), чья актуальная и для современности философская концепция о правилах поведения властителей, чиновников, воинов и крестьян распространялось в Китае так же повсеместно, как учение Будды в Индии, в 496 году до н.э. был назначен первым советником правителя в княжестве Лу.

После опубликования первого в истории человечества политологического трактата «Государь» (в котором доказательства основного посыла – о необходимости сильной государственной власти сочетались с описанием всего арсенала средств для ее укрепления) итальянский философ Николло Макиавелли (1469 – 1527) был назначен по пост советника при дворе герцога Флоренции, где отвечал за дипломатические связи республики.

Сподвижник Петра I, автор первого капитального труда по русской истории – «Истории Российской» и составитель первого русского энциклопедического словаря, Василий Татищев (1686 – 1750) успешно проявил себя и на государственном поприще: посланный по поручению государя на Урал, в 1723 году он основал чугуноплавильный завод

на реке Исеть и там положил начало нынешнего Екатеринбурга; а с 1737 по 1739 гг. возглавлял казенную «Оренбургскую комиссию», ведавшую организацией торговли с народами Центральной Азии.

Американский естествоиспытатель и дипломат Бенджамин Франклин (1706 – 1790), выдвинувший идею электрического двигателя, доказавший электрическую природу молнии, первым измеривший скорость, ширину и глубину течения Гольфстрим, в 1783 году стал единственным из отцов-основателей Соединенных Штатов Америки, скрепивший своей подписью все три исторических документа, лежащих в основе образования США: Декларацию независимости, Конституцию и Версальский мирный договор.

Создатель науки биогеохимии и прорывной философской теории – учения о ноосфере (о том, что человечество с начала XX века шаг за шагом превращается в новую, созидательную геологическую силу) Владимир Вернадский (1863 – 1945) в разгар Первой мировой войны отринул, похоже, все штампы о «тихом кабинетном ученом» и в 1915 году возглавил государственную Комиссию по изучению естественных производительных сил России. Результатом инвентаризационной деятельности 14-ти экспедиций в различные районы страны стала подготовка шести обзорных томов: «Ветер как движущая сила», «Белый уголь», «Полезные ископаемые», «Артезианские воды», «Растительный мир» и «Животный мир».

Но вернемся к И. Ньютону. По итогам тщательного изучения состояния дел в Монетном дворе Англии мнение ученого можно было, пожалуй, описать одним словом, повторенным три раза: «Хаос,.. хаос,.. хаос!». И в этом, думается, не было эмоционального преувеличения: «Чего только нельзя было найти в карманах и кошельках того времени! Для расчетов принимались монеты, выпущенные когда угодно без ограничения срока давности: коня на ярмарке можно было купить за серебряную чеканку главы империи викингов Кнута Великого (XI век), а овощи на рынке – за практически стертые монеты времен уэссекского короля Альфреда Великого (IX век). Две трети серебряных монет в обращении в 1696 году относились к выпускам при Тюдорах доелизаветинских времен... Один шиллинг IX века шел за один шиллинг XVII века, причем все было жутко обрезано и испорчено, монеты были не круглыми, а совершенно непонятной формы после всех обрезок, откусов, заточек и спиллов» (из статьи Константина Шарова «Исаак Ньютон как финансовый чиновник»).

Философ и историк К. Шаров указанное безобразие характеризует следующим вполне наглядным примером: «Чтобы хотя бы немного представить ситуацию с валютой и расчетами внутри страны в Англии в конце XVII века, давайте проведем аналогию. Давайте вообразим, что сейчас, в России 2018 года, две трети денег, бытующих в обращении, – это царские рубли Александра II, но также в ходу монеты Алек-

сея Михайловича, Ивана Грозного, а иногда расчеты проводятся серебром Владимира Мономаха и время от времени – Рюрика и вещего Олега» (*Там же*).

Итак, какими же качествами должен был обладать человек, который бы взялся за задачу спасения фактически ушедшего на дно фунта стерлинга? Думается, практически все скажут: конечно, это должен быть *финансовый гений*. И только немногие, пожалуй, робко произнесут: *волшебник* – и, что удивительно, окажутся правы. Ведь именно так охарактеризовал И. Ньютона его соотечественник, знаменитый основатель макроэкономической науки: «Приобретя в 1936 году на аукционе „Сотбис“ большое собрание произведений Исаака Ньютона, выдающийся английский экономист Джон Мейнард Кейнс и не предполагал, что обзавелся не научными изысканиями великого британца, а трудами по алхимии. Несколько лет спустя, завершив изучение этих трудов, Кейнс пришел к скептическому выводу: „Ньютон был не первопроходцем Века разума, а последним чародеем“. Потому что в приобретенных им сочинениях преобладали алхимические расчеты относительно того, как преобразовать в золото другие минералы и вещества. На протяжении более чем двух десятилетий именно алхимия была всепоглощающей страстью Ньютона. Дотошные исследователи подсчитали: на эту тему он написал более одного миллиона слов – больше, чем даже по физике и механике» (*из статьи Ашота Гарегиняна «Исаак Ньютон – великий ученый или*

страстный алхимик?»).

Но кто может доподлинно утверждать, что между таким многофакторным, а временами просто непредсказуемым, явлением, как экономика, и феноменальной интуицией (вплотную, похоже, примыкающей к чародейству) нет какой-то таинственной связи? В этом отношении пример И. Ньютона наводит, пожалуй, на определенные размышления: «Он уже в 1696 году немедленно настоял, чтобы вся обрезанная серебряная монета была изъята из обращения и заменена на новую, отчеканенную на машинах по инновационным рисункам с применением очень сложного канта на ребре – такой кант было очень сложно подделать в подпольных цехах, поэтому обрезка становилась практически невозможной – это было началом Великой серебряной перечековки 1696 года, или просто Великой перечековки. Химические и математические познания Ньютона, особенно навыки твердофазного синтеза, оказались весьма полезными при ее проведении» (из статьи Константина Шарова «Исаак Ньютон как финансовый чиновник»).

Закономерен вопрос: ведь все факты подтверждают естественнонаучную эрудицию хранителя Монетного двора, а где же озарения? Тогда как вам этот неожиданный ход? – «Старая бракованная монета обменивалась по весу, а не по номинальной стоимости – в противном случае в государстве попросту бы не хватило средств для расчета со своим населением. Причем такой обмен был вполне честным

с точки зрения морали и религии: чем больше человек обреза́л денег, обворовывая свое государство, тем меньше он получал в конце при обмене... После обмена было запрещено вести расчеты внутри страны деньгами, выпущенными до правления Чарльза II, то есть монеты от Протектората до короля Артура, а точнее – саксонских вождей, должны были сданы представителям Монетного двора, имевшим офисы по всей стране. Кстати, этой мерой Ньютон сохранил для потомства хотя бы некоторые исторические монеты» *(Там же)*.

И пусть экономический гуру Кейнс снисходительно называл И. Ньютона «последним чародеем», магические заклинания британского старика Хоттабыча *(шутка!)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.